

Школа им. А.М.Тордакова
Современная версия Царскосельского лицея

Закавказье

*Сборник очерков по материалам путешествия
в Краснодарский край, Абхазию, Грузию,
Армению и Азербайджан*

21 марта – 6 апреля 2010 г.

Пересекая границы

Впервые в истории образовательных путешествий горчаковцы отправились в Закавказье. Несколько лет назад была поездка на Северный Кавказ, но в пределах России. В нашем же путешествии предстояло побывать и в Грузии, и в Армении, и в Азербайджане, и в Абхазии.

Мы ожидали от поездки, что история, культура Закавказья, артефакты древних цивилизаций, природа Армении, Грузии, Азербайджана, история взаимоотношений вышеуказанных стран позволит нам сравнивать и обнаруживать сходство и различие традиций закавказских народов. Мы ожидали, что у нас будет возможность прикосновения к неповторимой культурной среде, возможность «проживания» элементов традиций разных эпох и народов.

Не сомневаюсь, что наши ожидания полностью оправдались.

Мы стали покорителями горных вершин и в Абхазии, и в Армении. Мы слушали предания и тосты наших грузинских и азербайджанских друзей. Мы реконструировали картины Пиросмани и Сарьяна. Мы восхищались ароматами и вкусами хинкали и хачапури, толмы и мацнабрдоша.

В этом путешествии были и неожиданности.

Неожиданным для нас оказалось то гостеприимство, с которым нас встретила Грузия. Мы не ожидали такой заинтересованной реакции на русскую речь, которую увидели в Тбилиси. Мы не ожидали такой искренности в выражении своих братских чувств от случайных соседей в национальном ресторане.

Нас поразил и позитивный эмоциональный фон, сопровождающий встречи со сверстниками. И в Армении, и в Азербайджане за нас переживали во время футбольных матчей, аплодировали на танцевальных мастер-классах, встречали и провожали овациями.

И еще одна тема постоянно присутствовала в нашем путешествии. Пересекая границы пяти государств, встречаясь с людьми, принимавшими участие в военных территориальных конфликтах мы пытались ответить на вопрос: что такое «граница» в географическом и естественнонаучном, политическом, историческом, философском, психологическом, нравственном понимании этого термина?

«Пересекая границы» – так называлось наше путешествие. Но не только о границах, но и своих впечатлениях, радостях, огорчениях, больших открытиях – этот сборник.

Александр Юрьевич Иванов
руководитель образовательного
путешествия «Закавказье»

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Дмитрий Крылов

Краснодар

После длительного перелета мы прибыли в Краснодар. Первое, что бросилось в глаза, был ветер, который дул по всей взлетной полосе. Ветер был гораздо теплее, чем в Петербурге и Москве, вообще погода сильно отличалась. Было тепло, газоны были покрыты зеленой травой, но на деревьях не было почек. Мы пошли к автобусу и поехали на обзорную экскурсию по городу.

Краснодар мне показался очень необычным. С одной стороны это провинциальный городок с небольшими домиками прямо в центре города, мощеными тротуарами и большим количеством зеленых аллей. Но в то же время в центре этого городка среди деревенских домов стоят гигантские новостройки, между тротуаров среди обыкновенных для провинциального городка машин встречаются дорогие иномарки, даже, наоборот, среди иномарок редко встречаются корыта. По городу развешено много рекламы, в общем, вполне себе столица Краснодарского края.

По ходу экскурсии мы несколько раз выходили прогуляться. Сначала мы пошли к памятнику Екатерине Великой. Сразу вспомнился памятник в Петербурге – архитектор один и тот же. С той площади, на которой мы стояли, еще было видно здание законодательного собрания Краснодарского края и церковь. Посмотрев памятник, мы пошли по улице, которая начиналась с этой площади. Дворец культуры и библиотека имени Пушкина, бывшая католической церковью, напоминали о советском времени. Город Краснодар стоит на реке Кубани, она и являлась причиной его строительства. Как раньше, много лет назад, она была границей между Российской империей и Турцией, так и сейчас граница, только между двумя субъектами одного государства, между – Краснодарским краем и республикой Адыгея. Многие люди беспокоятся по поводу того, что Нева грязная. Я могу их успокоить, сказав, что Кубань это вообще просто текущий ил. Я не понимаю, как из этой воды можно что-то делать. По городу мы катались около двух часов.

Когда экскурсия закончилась, всем вдруг захотелось есть. Обед запланировано не было, поэтому пришлось закупаться на месте. После скромного перекуса мы отправились в Тамань.

Во время переезда, кроме как смотрения в окно, дел особо не было, поэтому все смотрели в окно или спали. Степь да степь кругом, путь далек лежал. В степи росли виноградники, их было много, как в Греции олив. Я раньше видел картину степи, только та степь была сухой и желтой, а здесь впервые я увидел картину зеленеющей степи не на картине.

В Краснодарском крае основным доходом многих городов является взаимодействие с морем, поэтому внешний вид городов сильно отличается. В отличие от Геленджика, Тамань, например, смотрится как скромная деревенька. Таманские власти не занимаются морским бизнесом, а в Новороссийске и Геленджике основным доходом является морская торговля и туризм. Вообще море сильно повлияло на жизнь людей, живущих на Черноморском побережье. Древнегреческие колонии издавна развивали торговлю в этом регионе. Вместе с вином и оливковым маслом греки привезли часть своей культуры, которая оказала большое влияние на культуру племен, живших на территории черноморского побережья. С древности до настоящих времен они сумели сохранить эту привязанность к морю.

Первое впечатление от поездки - положительное. Правда, это имело небольшое отношение к Кавказу, но все равно я получил новые знания и поговорил с интересными людьми. В общем, время прошло не зря.

Андрей Кухарь

Тамань. Вам что-нибудь говорит это название? Неужели нет? Тогда придется начать моё повествование с описания этого города. Скорее даже Тамань можно назвать городком – тут обитает около 11 000 жителей. Однако этот маленький серый провинциальный городок может похвастать многим. Началось всё с того, что сюда прибыли запорожские казаки. Естественно, пришли они сюда не просто так. В это время Запорожская Сечь была «расформирована», но взамен её казакам дали земли на Таманском полуострове, где они должны были охранять южные границы России. Современные жители Тамани очень гордятся своими бравыми предками.

Но на этом история не заканчивается. В Тамани в своё время побывал М. Ю. Лермонтов. Он остановился там по пути в Геленджик. Оставив о Тамани один нелестный отзыв, он решил поскорей смыться отсюда. Однако жителей города это не смутило, и они поспешили создать музей Лермонтова. Кроме этого музея, существует другой – археологический. Там присутствует приличная коллекция древних ваз, тарелок, рельефов и прочих осколков древних цивилизаций.

В целом же впечатление о Тамани сложилось неоднозначное. Один мой знакомый американец сказал, что это безумный город. У другого, не менее знакомого, сложилось впечатление заброшенного города. Я же скорее соглашусь с Лермонтовым, впрочем сие место наверняка понравится любителям казаков, Лермонтова, глиняных черепков и поклонникам дешевого мороженого.

Андрей Писков

Проезжая по Краснодарскому краю я заметил сходство его ландшафта с Грецией. Зеленые равнины, небольшие холмы, серая сухая земля, виноградники, горы. Всё это привлекало 2 года назад, привлекает и сейчас! Может, здесь, в России это выглядит не так величаво, как в Греции, но всё-таки чем-то цепляет.

Когда мы неподалеку от станицы Тамань взобрались на гору и увидели небольшое озеро с липкой и вязкой грязью, я был рад. Мы видели эту грязь уже не раз, но никогда я не испытывал столько счастья от увиденного. Но самое классное произошло тогда, когда один из моих одноклассников нашел кусок стелы с иудейскими знаками примерно VI века н.э. Камень уже порос мхом, но всё равно узор выступал на нем. Мы отдали эту находку в Археологический музей в Тамани. Хоть какая-то польза от нас осталась в этом городе.

Максим Холматов

Из Краснодара мы отправились в станицу Тамань, на Таманский полуостров. Всю дорогу экскурсовод рассказывала истории о каждой деревушке, мимо которой мы проезжали.

Город, а точнее поселок, находился на берегу Таманского залива Черного моря. В станице часто дул сильный ветер, а у моря ветер был по-настоящему штормовой, хотя волны там не превышали 50 см. После заката солнца ветер стихал и поселок превращался в тихое и мирное местечко. Там мы провели несколько дней и попытались познакомиться с культурой казаков.

В Тамани вообще очень гордятся своей казацкой культурой. Мы встретились с атаманом казаков. Это был высокий статный мужчина с рыжей, седоватой бородой. Он был одет в традиционный кавказский костюм, несколько измененный для удобства казака. На погонах его были не звезды, а большие золотые буквы А, написанные так, как в царское время писали «А» в начале имени императора. С атаманом мы посетили этнодеревню «Атамань». Атаман был очень горд, ведь эта деревня была плодом его трудов. После прохода по деревне он показал свое оружие. Главным оружием атамана была нагайка. Он продемонстрировал это, выбив щепку из рук другого казака. Казак тот совершенно не боялся держать щепку, хотя, по рассказам атамана, нагайка может нанести серьезный вред: он доверял своему атаману как себе. И мне кажется, что такое дружеское доверие старшему и было секретом успеха казаков на войне. Каждый каждому друг, и все друг за друга горой. Также в Тамани мы посе-

тили несколько раскопов, где женщина, сопровождавшая нас, – настоящий археолог и человек, посвятивший истории жизнь, – тонко намекала нам на абсолютно свинское отношение людей к памятникам древности. Чувствовалось, что это для нее важно.

На берегу моря стоял небольшой традиционный казацкий двор. Это музей Лермонтова. Весь музей был посвящен событию пары дней – остановке Лермонтова проездом в Тамани, но там нам рассказали и о казацком быте, и о биографии Лермонтова, и об истории края. Чувствовалось, что для любого настоящего таманца и даже просто краснодарца своя история является предметом гордости и уважения.

Андрей Писков

К вечеру 2 дня мы приехали в Новороссийск. Погода стояла безветренная, солнечная. Мы посетили крейсер-музей «Михаил Кутузов». Экскурсию вел капитан корабля – грузный, широкий человек с просоленными глазами. Его большая голова покоилась на пузатом теле и маленьких ножках. Он напомнил мне большого карлика, веселого и пьяного. Рассказывал он, как подобает: со всем пылом бывалого моряка.

Нам очень повезло с этим человеком – он сам долго служил и любил этот крейсер, свою любовь он передал нам. Его искренность меня приятно удивила. С горечью слушал я о том, что не доходят руки государства до такой жемчужины, как «Михаил Кутузов», и что наш флот приходит в полное разрушение. В этом и состоит проблема нашего государства – не хватает сил привести в порядок все памятники истории и культуры. Даже города обустроить не получается.

Увидев этот край вместе со смазливый пейзажем, я увидел, как влечет свою скучную жизнь мелкие города, и как пытаются выделиться большие. От такого мне даже стало не по себе – от серых и мрачных городов уже тошнит. А что можно поменять? Только свою жизнь.

Георгий Глазов

В Новороссийске мы посетили крейсер с гордым названием – «Кутузов». Корабль представлял собой плавучую громадину, металлическую гору, с маленькими людишками на палубе. Единственный человек, не уступающий своему кораблю ни по духу и ни даже по размеру, был капитан. Он имел очень внушительный, громовой голос, морскую походку и чистое чувство юмора. Провел нам экскурсию именно он. Его слова были от сердца. Не знаю, в который раз он рассказывал свою историю,

но казалось, что в нем бьет такой мощный источник энергии и энтузиазма, что рассказывал он это будто впервые. Он любил свой корабль, любил команду. Наверное, в пылу битвы он напоминал яростного льва, сейчас же в его глазах пылали только озорные угольки, костер потух. Корабль был не в самом лучшем состоянии, кое-где облезла краска, где-то погнулись металлические штуки. Жалко, что в таком хорошем и богатом городе не было денег на восстановление гордости города. Хотя я не знаю, гордятся ли жители города памятником или нет. Вечером мы гуляли по набережной, пускали блинчики, как всегда пугали окружающих. Крейсер вдруг задымился, вода была голубоватой, летали чайки.

Дамир Шаманаев

Новороссийск. Город-герой, отстроенный в послевоенный период, сейчас крупный промышленный порт на юге России, на Черноморском побережье.

Большие портовые краны, множество ящиков с материалами, железная дорога и многое другое, характеризующее Новороссийск как промышленный город, но совершенно чистая набережная, красивые, романтические пейзажи, красивый закат, легкая музыка из динамиков на фонарях, много молодежи, детей, что говорит не только о напряженной рабочей обстановке в городе, но и...

Жизнь здесь неспешная, волны разбиваются, и причалы и спокойно отходят назад, люди идут, едут, плывут, но все это неспешно, тихо, как будто это тихая деревушка на окраине, а не промышленный порт.

В новороссийской бухте стоит крейсер, гордость флота СССР, раньше самый сильный и большой. Но в настоящее время стоящий как музей в Новороссийской бухте. Этот спящий великан российского флота, несший службу в водах Черного моря, был оставлен, разоружен и забыт.

Экскурсию по нему нам вел мужчина, с громким голосом, толстой шеей, брызжащий слюной, очень строгий и явный патриот России, любящий этот корабль, служивший на нем. Он добр, но все-таки моряк, привыкший к строгим приказам и их своевременному выполнению, а также он считает русских выше иностранцев, говоря, что они (иностранцы) глупы.

Несмотря на то, что он любит свою страну, он готов сообщать явно не самые приятные факты о ней. Например: у России только один авианосец, один сильный корабль в Черном море и т.д. Но это ведь действительная проблема России. В некотором плане СССР был лучше современной РФ, там развивалась армия, а не оставалась в запустенье. Странно, но мне было обидно, что эти же факты слышал наш учитель из Америки.

Максим Шостакович

Солнце, день, тепло, влюбленные парочки ходят по набережной и целуются, сидя на скамеечках, и мы здесь в Краснодарском крае, в городе Новороссийск.

Мы приехали в город-порт Новороссийск. Весь путь до него я спал и пропустил интересную и красивую, как мне сказали ребята, дорогу. Я открыл глаза и увидел огромные подъемные портовые краны. До этого я видел такие краны только издалека в Питере, где они вылезают своими верхушками из-за домов, когда едешь по Дворцовому мосту. Здесь, в Новороссийске, я увидел их вблизи прямо перед собой. Для кого-то это ужасные монстры современного мира, а для меня это по-настоящему красиво, но, с другой стороны, жутковато. Они стоят здесь в окружении гор деревянных блоков, которые привезли сюда, чтобы скоро опять повезти уже за границу для продажи, и смотрятся как доисторические динозавры в поисках пищи – следующей партии товара. Кстати, о горах: за всеми этими «динозаврами» виднелся Макхорский перевал. Здесь горы казались как будто нарисованными. Бежевые и коричнево-желтые слои гор выглядели так, как будто кто-то взял кисть и провел несколькими толстыми линиями по холсту, и получились эти горы. Казалось, что и облака, насыщенные светом солнца, нарисованы руками некоего мастера, сидящего где-то далеко в небесах. Потом я посмотрел в другую сторону и увидел сам город. Я не поверил своим глазам, осознавая, что это наша Россия-Матушка. Чистота, аккуратность и роскошная набережная. Если бы я попал сюда, предварительно не зная о том, куда я еду, то я бы сказал, что это не русский город, а какой-нибудь европейский морской городок. Но можно гордиться, что это наш русский город.

Мы подъехали к военному крейсеру «Михаил Кутузов», вышли из автобуса и пошли на экскурсию. Нас встретили молодые матросы, одетые в синие матроски. Мы поднялись на палубу, и к нам подошел наш экскурсовод. Это был толстый мужичок, лет шестидесяти, с хорошим чувством юмора. В нем явно был виден опыт старого моряка. С одной стороны, он был суровым, но с другой – добрым и веселым человеком, любящим свое дело. Мы ходили по крейсеру и у правого его борта увидели пришвартованные современную русскую подводную лодку и крейсер. Экскурсовод сказал нам, что их фотографировать нельзя, потому что это стратегические объекты РФ, но как только мы это услышали, многие из нас начали шпионские операции – фотографирование крейсера и под-

лодки. Я был одним из этих «шпионов» и сделал несколько снимков. Скоро мы прошли на нос корабля. С него открылся потрясающий вид на город. Солнце, заходящее за дома, светило из-за них заревом желто-красного цвета, предавая такой цвет всему вокруг. Горы, море, даже краны с баржами и набережная – все окуталось, как в одеяло, мягким розоватым светом. Мы сделали фотографии, как нам и пообещал наш рассказчик, и пошли вниз через зловещие коридоры в кают-компанию. Там мы сели на места, где раньше сидели офицеры и обсуждали различные проблемы их корабля. Наш экскурсовод рассказал нам всю печальную правду о нашем несчастном флоте и предложил купить различные сувениры в память об этом крейсере. Потом мы его поблагодарили и опять по жутким коридорам пошли обратно.

Сойдя на сушу, мы разделились на небольшие группки и пошли гулять по набережной или просто по городу. Я решил спокойно погулять один. Я шел по набережной и просто глазел по сторонам. Везде была веселая молодежь, на скамеечках сидели влюбленные парочки. Пока я там ходил, мне показалось, что вообще здесь люди живут совершенно по-другому. У всех хорошее настроение, играет музыка, море и просто очень красиво. Я думаю, что мировой экономический кризис этот город вообще никак не зацепил. Все как было здесь хорошо, так и осталось. Единственное, может, количество привозимого и вывозимого товара сократилось, но, в общем, мне кажется, экономическая картина Новороссийска не изменилась.

Вскоре мы все собрались у ростральных колонн и пошли в наш автобус. Дело было уже к вечеру, и солнце уже стало заходить за горы, а в городе засветились многочисленные огоньки. Мы опять поехали через перевал, смотря на красоту ночного морского города. Через некоторое время мы остановились, чтобы сделать фотографии ночного города. Небо было ярко-малинового цвета, а город светился оранжевым цветом фонарей. Все это отражалось в темном, холодом море. Где-то в одиночестве стояли отдельные кораблики, которые можно было увидеть и понять, что это они, по светящимся огонькам. Сделав несколько фотографий, мы сели опять в наш автобус и продолжили путь по Кавказу, а потрясающий город-порт Новороссийск останется в моих лучших воспоминаниях.

АБХАЗИЯ

Андрей Ким

Сухум – столица независимого государства, Абхазии. Чего можно ждать от столицы государства? Много домов, много людей на улицах, автомобильные пробки, многоэтажки, дорожные магазины... Практически так мне представлялся город до того, как мы его посетили...

Мы въехали в Сухум в середине дня. Ярко палящее солнце освещало полуразрушенные дома. Выбитые стекла, разваливающиеся стены, пустота на улицах. Вот так встретил нас Сухум. На улицах есть деревья, кустарники, все цветет вокруг. Но город находится в полуразрушенном состоянии. Это была лишь окраина города. Постепенно количество разрушенных домов и выбитых окон уменьшалось, а обыкновенных домов увеличивалось. И вот мы въехали в центр города. Большинство домов выглядит прилично, но изредка встречаются и разрушенные дома. Многоэтажек практически нет. Людей на улицах довольно много, машин не очень. На лицах людей улыбки, ведь светит солнце, сегодня выходной день. Что странно, детей на улице мало, больше подростков от 16 лет и взрослых людей. Набережная выглядит аккуратно, мусора нигде нет. Волны Черного моря бьются о каменный берег. Редко на пути попадаются пирсы.

Почти все разрушенные или частично разрушенные здания обрели нынешнее состояние в результате войны 1992-1993 гг. между абхазами и грузинами. В то время в Абхазию, которая пожелала отделиться от Грузии, вошли грузинские войска. Как считают абхазы, а я согласен с их точкой зрения, с помощью вранья грузины захватили город Сухум и убили более 2000 человек мирного населения, разрушили многие здания. Абхазы, с поддержкой добровольцев из соседних республик, прогнали грузин со своей территории. Несомненно, в данной войне были неправы грузины, которые силой пытались надавить на абхазов, чтобы те не стали независимыми. Абхазия всегда была государством, отдельным от Грузии, и лишь в советский период стала частью Грузии на условии равноправия народов. Грузины, а точнее грузинские политики тех времен, закрыли глаза на этот документ и решили подавить патриотический всплеск абхазцев силой, уничтожив при этом свыше 8000 человек. Для страны с населением 300000 человек это сильные потери.

Люди в стране относятся к этой войне так же, как мы к Великой Отечественной Войне, а возможно даже более горячо, так как эта война была недавно. Один из наших экскурсоводов по горам, которого зовут Стас, был сильным патриотом своей страны. Будучи на этой войне сапером, он потерял ногу. Но он до сих пор ходит по горам и водит турист-

ские группы туда. Хромая на одну ногу, с поднятой головой он рассказывал нам о Абхазо-грузинской войне. Его голос звучал громко и уверенно, в нем слышалась гордость за свою страну и свое отечество. Другой пример – абхазский режиссер Вячеслав Андреевич Аплодия. Этот человек рассказывал нам о войне, рассказывал гордо, всячески показывая патриотизм местных жителей. Он был журналистом на этой войне и поэтому смог рассказать подробности и «подставы» от Грузии. Этот человек гордится своей родиной, гордится воинами, отдавшими жизнь за свое отечество.

После этой войны прошло более 16 лет. Центр города был восстановлен, а окраины до сих пор пугают туристские группы, приезжающие сюда...

В 2008 году Абхазия была признана Россией независимой от Грузии. Возможно, именно с этого момента началось капитальное восстановление Сухума. Сухум стал столицей независимого государства, а не одной из республик Грузии. Но город восстанавливается очень медленно. Каждый приезжающий турист помогает восстановлению, поскольку большая часть экономики страны держится на туризме. Я сильно надеюсь, что Абхазия сможет восстановиться и встать на ноги, поскольку это страна с богатыми традициями, почитающая свою историю. Народ здесь гордится своей страной и гордится тем, что они – абхазы!

Георгий Божченко

День начался задолго до звонка будильника – где-то в два часа ночи, когда я проснулся от нестерпимого холода. Спросонья я не мог трезво мыслить и страшно мучался. Я просыпался, пытался придумать способ укрыться потеплее и незаметно для себя засыпал. Все мое состояние обернулось в страх перед чем-то неизбежным, вечным, страшным. Меня охватила душераздирающая паника, я был беспомощен на своей кровати. Мне не было жалко себя, и я теперь не пытался решить проблему, я просто свернулся в комочек и замер, потеряв всякую действительность и надежду. Утром я нашел в шкафу шерстяное одеяло. Мне стало ужасно стыдно, но я проглотил свой стыд и пошел есть.

Мы ехали по Абхазским городам, и мне было грустно смотреть на разрушенные дома, по которым бродили черные собаки. Вдруг к нам подсади двое мужчин. Один ушел в конец автобуса, а другой сел рядом со мной – на переднее кресло. Так получилось, что сначала я его не видел, а лишь представлял по голосу. Он говорил по-русски, но с акцентом, который очень сложно описать. Он проглатывал начала и окончания слов, а иногда прибавлял любую гласную к словам. Интонация, несмотря на пожилой возраст, скакала вверх и вниз, голос звучал глухо и напори-

сто. Это был седой абхазец с важным видом. У него были очки, которые, казалось, приросли к нему, и смуглая потрепанная кожа, покрытая множеством рубцов. Сев в автобус, он сразу же стал говорить. Первым делом он заявил, что на нашей машине никуда не доехать, на что водитель засмеялся, бросая вызов этому утверждению. В этом противостоянии я мысленно принял сторону водителя, потому что мне всегда жалко водителей, но где-то на середине пути я представил, как нашего гида сбрасывают со скалы по причине его ненужности (как в одной из абхазских легенд) и заключил, что вековая мудрость должна победить.

На автобусе мы добрались до приличной высоты и пошли пешком к крепости. Мы шли через абхазские села, вокруг были пустые дома и поля, на которых паслись коровы. Было красиво, но несколько жутковато, потому что были видны следы войны. Если бы я был здесь один, я бы ужасно испугался, но сейчас я шел слегка подавленно и потупившись рассматривал в каждой мелочи свои тайные смыслы и сюжеты. Пройдя абхазские деревни, мы вышли на открытую долину. Глядя на могучие горы и пышные леса, нельзя было не забыть все свои страхи и не наслаждаться красотой природы. Не знаю отчего, но мое сердце бурлило от радости. Там, высоко в горах, я чувствовал себя абсолютно свободным, словно меня вывернули наизнанку и вытряхнули из меня все условности и предрассудки. Мне снова вспомнились слова М.Ю.Лермонтова из его poem о Кавказе.

На обратном пути откуда-то громыхали выстрелы. Нам сказали, что это тренировки на полигоне, но это было все равно подозрительно. Я представил боевиков с каменными лицами и кровь. Совершенно неожиданно мне захотелось, чтобы это стало явью. Я хотел паники и страха и выжидал ее. Здесь, высоко в горах, мне не была страшна ни война, ни совесть, я чувствовал свою неограниченную силу, которую я хотел проявить, я чувствовал себя в безопасности рядом с горами. Внизу, у подножия водопада, я наивно проверял себя на ловкость, прыгая по камням. Я чувствовал себя королем горы, когда стоял на вершине огромного вала. Всему помешал С.А., который надо мной посмеялся, когда я чуть не упал. Он разбил мое величие и меня самого.

Водитель сказал, что уедет, если мы не поторопимся. Он был очень зол, но я все же решил пойти в автобус. Часть класса уже была в автобусе, они играли в карты, сидя на подлокотниках. Водитель заметил это и попросил их сесть нормально, но его проигнорировали. Выждав немного, он обратился к ним снова, но ему ответили с сарказмом. Он сказал, что мы ничего не понимаем, и ушел в самый конец автобуса. Это было трогательно.

Сергей Белозеров

Около шестидесяти километров от Пицунды – это яркий, красочный пейзаж. Множество разрушенных домов и перевернутых машин поначалу смущали меня. Выбравшись из автобуса, мы прошли три километра к византийской крепости. Голову, едва отдохнувшую от тряски и броскости ярко-желтых автобусных сиденьев, начинает тревожить пальба. Путешествие сквозь мохнатых (они неухожены, сгибают стереотипы, навязанные упаковками кисломолочных продуктов) телят и коров. Они стоят рядом с разрушенными зданиями. Почему-то хочется, чтобы они находились в разных позах – причудливым кажется то, что они стоят на всех четырех ногах и ровно дышат.

Из холмов выплывает плотный белый дым (выстрелы усиливают пейзаж – начинает казаться, что это просто энергичное дополнение запаха и цвета почв).

Пространство этих холмов, переходящих в горы (те, что заросли волосообразными пучковатыми деревьями) несдержанно цветасто и пусто в своем огромном объеме. Канада.

Наш проводник имеет высокий лоб, почти детское лицо, говорит трогательно и болезненно. Такого человека сложно представить в рядах действующей армии с оружием в руках. В массивной каске его бородатое лицо и большие глаза, которые ему приходится прищуривать, смотрелись бы неловко. Он останавливается подышать – война 92-го года отняла ему ногу до колена.

(Бродский, приступая к «Зимней кампании 1980 года», говорил, что афганский конфликт является конфликтом человека и первозданной нетронутой природы.)

Приходится слышать выстрелы и коровам, и их телятам, и собакам, и сельским домам, некоторые из которых построены, должно быть, еще в конце XIX века. На фоне белого дыма и пальбы они, и без того неизящные, выглядят вызывающе уродливо. Пастораль художественно не сочетается с военными учениями. (Простите, что я не оправдываю все это российской военной справедливостью и забываю про геополитику). Но если взглянуть на это, как на контраст, абсолютно ужасающая цветастостью картина заставляет думать о всепоглощающей гениальности ее творца. Однако отсутствие направленности, художественного замысла и намеки старика-гида на обыденность и даже цикличность происходящих стрельб разочаровывает, как эссе подростка, кажущееся глубоким и осмысленным, ярким и контрастным, но движимое угловатостью и агрессией.

На обратном пути видели колонну моторизованных войск. Резиновая голова танкиста вжалась в камуфляжные плечи. Он смотрел вперед, не двигаясь на флагштоке позвонков. Все фотографировали его – казалось, он покраснел.

Захар Сухоруков

Прогулка

В этот день нас ожидала несколькочасовая прогулка по холмам, горам и прочее и прочее. Ландшафт Абхазии на 75% состоит из гор, поэтому за местом прогулки «в карман лезть» не пришлось.

Началась наша прогулка (конечно, вряд ли можно назвать это началом самой прогулки, но все же) с помощи автобусу проехать всего пару небольших ям, которые могли повлечь за собой большие неприятности. Уже вспотев, при помощи мотыг и лопат мы перетаскивали изрядное количество камешек в нужное место.

Сама же прогулка имела спокойный, дружелюбный, солнечный характер, как и сама Абхазия. Спуски и подъемы прерывались длительными шествиями по ровной земле. Прогулка для меня прошла довольно быстро, но местами казалась слишком длительной и занудной. Спасением от таких ситуаций, как ни странно, было общение с кем-либо. Один из таких «кем-либо» был сопровождающий нас альпинист Стас. Мужчина в возрасте, с проблесками седины на умудренной опытом голове и протезом левой голени, несмотря на который продолжающий свое дело. На этом маршруте Стас не впервые, не только потому, что здесь он выполняет роль экскурсовода, но и потому, что он воевал в этих землях во время грузино-абхазского конфликта. Служил Стас сапером, «благодаря» чему и лишился голени. Восхождение к древнеримской крепости сопровождалось историями дней боевых действий.

После краткой речи об истории крепости, но не полного завершения пути, состоялся привал и соответственно перекус.

Во время нашего дальнейшего передвижения в сторону автобуса неподалеку, в горах, проходили военные учения. Звуки выстрелов тренировочных пушек, тихие завывания ветра и ритмичное постукивание колокольчиков на шеях пасущихся коров и коз звучали на редкость гармонично. Несмотря на длительность, прогулка была совсем не утомительна и по-своему красива.

*Георгий Глазов***Стас**

В Абхазии меня зацепило не только гостеприимство, но и яростный патриотизм. После Абхазско-Грузинского конфликта тут много чего осталось. Не только взорванные машины, гильзы, продырявленные ржавые стены. Тут были еще люди, воевавшие за свою независимость, за свою страну. Таким человеком был наш экскурсовод. У него не было одной ноги, стоял протез. Ногу он потерял, подорвавшись на mine. Он был сапером. Он вел нас в горы. Тут следы войны были оставлены везде. Их не убрали. Некому было. А может, решили оставить как память. Мы шли в горах рядом были горы, везде горы, холмы, где-то далеко сверкали снега. Мы вкусно перекусили колбасой с лавашем и шли дальше. Потом еще перекусили. И снова в путь. Когда колбаса кончилась мы услышали выстрелы и взрывы. Нам сказали, что это полевая практика. Но было немного страшно. Горы усиливали звук своим эхом. Иногда бабахало очень сильно. Скоро можно было увидеть дым. Мы нервно смеялись, смешно не было, было нервно. Стас, а именно так звали нашего экскурсовода, рассказывал о себе спокойно, даже с равнодушием. Наверное, он потушил в себе эту боль, ярость, чувство мести. Но он был горд, что отстоял свою страну. Он воевал с 12 лет. Тут в горах была его родина, он жил тут и живет сейчас.

*Всеволод Воронов***Абхазия. Стас**

Пройдя по горам около полутора часов, мы остановились на пятиминутный перевал. Наш проводник опустил на грудь листьев и колючек, засунул в беззубый рот мягкую папиросу и ... снял левую ногу, от колена до ступни. На открывшемся месте был круглый, обтянутый серой тканью обрубок. Отложив протез в сторону, проводник принялся спокойно курить.

Ногу он потерял на войне с Грузией. Как и многие, когда начался конфликт, он, взяв единственное в своем доме оружие, пошел в добровольцы. Он рассказывал, что однажды, во время атаки грузин, ему пришлось отстреливаться от крестников своей матери. «Когда я об этом узнал, то долго смеялся» – говорил он.

Наиважнейшим качеством он считает умение отстаивать свое мнение. Потом, говорил он, все «эти» хулиганы могут стать великими людьми,

ми, если дать им правильное направление. Он и сам, в прошлом, наркоман и алкоголик, время от времени ходивший в горные экспедиции и «крутившийся среди нормальных людей». Он был солдатом и альпинистом, милиционером и экскурсоводом. Он умеет делать ярким каждый миг своей жизни и, может быть, поэтому так интересен.

*Георгий Глазов***Обед в абхазской семье**

В Абхазии мы побывали на обеде в простой абхазской семье, принявшей нас с абхазским гостеприимством. Обед был шикарный, хотя мне было неуютно, что нас обслуживают: это же был не ресторан, а семья, наверняка, когда они готовили, они тоже порядком проголодались. Стол был обширный, острый, немного жирный и газированный. Особенно было хорошо, что он был острый, там была острая приправа, отменно подходящая к шашлыкам, каше, яблочному лимонаду и лепешкам. Застолье не ограничивалось едой. Абхазские гостеприимные взрослые пели и танцевали, сначала за столом, потом во дворе. Вина нам не давали, хотя оно было вкусное. Музыканты были очень интересными, они были профессиональными самоучками, играли, импровизировали, пели только о хорошем. Мы даже станцевали сиртаки под их музыкальное сопровождение. Жаль только: они играли одно сиртаки, а мы танцевали другое. Вышло криво. Мы плохо импровизировали. Мне было жалко, что мы ничего не можем дать взамен этой семье, этим людям. Я не привык к такому доброму отношению людей друг к другу, чистому, бескорыстному, не требующему отдачи. Эта семья уже не одно поколение прожила в этом доме. Дом был небольшой, но площадь земли была огромная. Все, что мы ели, было рождено их землей. Деревья овивали лозы винограда, куры носились, гоняя петухов, солнце светило, бросая отблески на горы и на нас. В этом доме жили два брата, жена одного из них, его дочь, и дочь его дочери. Она была красивой. Вообще люди тут красивые и добрые. Что редко можно встретить у нас на улице. Распрощались мы тепло, хотя и неловко.

Максим Холматов

Мы въехали в Абхазию ночью и около получаса ехали в неизвестном направлении. В окне виднелись только деревья и сельские домики. Было страшновато, потому что мы знали ситуацию в регионе, но по приезде в отель все думали только об ужине. На следующий день мы отправились на прогулку в горы, к римской крепости. Нашим проводником был бородатый мужчина средних лет, по имени Стас. Стас был сапером, и во время конфликта 92-93 гг., наступив на противопехотную мину, лишился левой ноги. Ходил он с протезом, что не мешало ему идти впереди группы и по ходу прогулки что-то нам объяснять. На обратном пути нас сопровождали выстрелы артиллерии, доносившиеся с проходивших неподалеку учений. В общем, первое впечатление об Абхазии было весьма сомнительным.

После прогулки мы побывали на водопадах и попробовали себя в скалолазании, а на следующий день посетили Новоафонский монастырь. В последний день пребывания в Абхазии мы посетили дом деревенского абхазского жителя. Это был не музей, а обычный дом, в котором жила обычная семья. Мы осмотрели двор. По традиции перед домом находилась ничем не засаженная площадка. Справа от дома находился одноэтажный дом вытянутой формы, походивший на барак. Первое, что я заметил, зайдя за дом, это бельевая веревка, на которой сушились вещи. Она размещалась над зеленой полянкой и подпиралась двумя или тремя рогатинами. Слева располагались грядки, огороженные решеткой. По ним гуляли пафосные индюки. Во дворе бегали рыжие телята, смахивающие на собачек. За вторым строением хозяин готовил шашлыки. Брат хозяина рассказал нам о виноделии и жизни в деревне, после чего провел нас в тот домик, что походил на барак. Посреди него стоял большой длинный стол, ломившийся от яств. После этого начался праздник живота. После обеда нас позвали на поляну танцевать. Нас попытались сходу научить танцевать, но ничего хорошего из этого не вышло. Вообще в Абхазии нас встречали очень радушно, и первое мое впечатление не подтвердилось.

АРМЕНИЯ

Максим Холматов

Из Абхазии через Сочи мы отправились в Ереван. Из всей Армении мне больше всего запомнилась встреча с преподавателем духовной семинарии. Это был молодой мужчина. Высокий, в черном одеянии. По неизвестной мне причине он левой рукой опирался на трость. Нас привели в просторный зал, и он стал рассказывать. Рассказывал он о религии и вере, и в общем-то ничего странного не было. Но когда он заговорил о сектах, он произнес несколько запомнившихся мне слов. Он сказал, что в последнее время в Армении усиливаются мусульмане и иудеи и что нужно принять какие-то меры. Сразу вспомнилась инквизиция, рассказы о том, что кавказские общества традиционны, которые до этого почти ничем не подтверждались. Но больше всего меня удивило спокойствие, с которым он это говорил.

Вообще Армения приняла нас не хуже чем Абхазия, но, как я заметил, во всех странах нам называли ряд одних и тех же национальных достоинств (гостеприимство, трудолюбие и т.д.) и каждый раз говорили, что именно этим их народ отличается. То есть те вещи, которые должны были бы их объединять, их отличают. Я думаю, что все народы Кавказа, несмотря на свою схожесть, никогда и ни в чем не смогут сойтись.

Евгений Филиппов

В Ереване я проникся новой эстетикой, рассказ о которой может быть удачным материалом для нужной работы. Посещение Еревана в целом можно разделить на четыре позиции: аэропорт, автобус и город из окна, гостиная отеля, номер и прочие внутренности

Для того чтобы раскрыть воспринятую эстетику, нужно выделять в каждой из позиций её проявления.

В аэропорту было проявление части эстетики про векторную картинку. Мне пришло в голову, что для каждой небольшой культурной эпохи существует свой визуальный стереотип. Не рискну приводить примеры, но можно себе представить вкратце 30-е, 70-е, 90-е. А для 10-х годов второго тысячелетия таким стереотипом я бы выделил векторную графику и всё вышедшее из фирмы Adobe (плеяда революционных графических программ). Для следующего десятилетия, если не учитывать

возрастающую скорость технологического прогресса, скорее всего, таким стереотипом будет 3D-графика.

Особенный культ векторной графики был мной замечен на колоннах аэропорта, где от руки кистью были воспроизведен орнамент по векторному эскизу, так что с расстояния в 5 метров я не отличал их от пластикового принта.

В автобусе было просто достаточно качественное оформление, без шедевров. За окном проплыла растягивающаяся, как кусок медовых сот, надпись «АрАрАт», поглощая куски пропасти за окном. Вся остальная иллюминация была сделана по европейским канонам, и национальная скромность взамен русской разгульности и частой на этой почве безвкусицы, даже при некоторой пестроте, всё же создавала ощущение стабильности и упорядоченности. Чувствовался простор города, не было зажатости масштабных неправильных форм мегаполисов.

Отель был очень объёмный, старый, но нажитый, как коньяк, и был прелестен своей несовременностью и нероскошностью, но при этом качеством и обеспеченностью. В гостиной были разбросаны около двух десятков манекенов модной европейской одежды. На такие «манекены» только и есть смысл смотреть издали как на культурный объект. На стенах висели натюрморты и жанровые сцены. Сцен было две: первая была про принятие средневековым правителем послов, а вторая про очень плоскую женщину, уставшую от жизни и склонившую своё длинное тело на квадратную широкую стену. Картины были набраны светлыми неброскими редкими мазками, и кое-где были гладко прописаны детали. Натюрмортов было около тридцати, и они были разбросаны по отелю особенно изящно в затерянных неофициальных помещениях. Фактура их крутилась вокруг мятой чеканной меди, плотных полупрозрачных налившихся фруктов, в особенности гранатов, и на драпировке были скалостые, грубые складки ковров с огромными сумасшедшими узорами. Слабым освещением и нерастерянной техникой, уверенной композицией без излишней зализанности художник достиг атмосферы европейских каталогов старых музеев и академических голландских учебных набросков.

Максим Шостакович

Ветер, снег с дождем, маленькая деревушка и детишки, машущие нам руками, промокая на улице. Мы же в теплом комфортном автобусе, в тепле и сухости. За окном мелькают обветшалые дома, во дворах которых, при такой погоде сушится белье. Когда мы проезжаем мимо небольших стаек маленьких ребятишек, то они с искренней радостью начинают нам махать руками и приветствовать нас с улыбками на лицах. Также нас приветствуют и взрослые. Дети одеты в какие-то старые грязные куртки, которые достались им от старших братьев или сестер. На ногах уже давно порванные штаны и грязные ботинки. Некоторые из них гоняют полусдутые мячи, играя и называя себя именами великих футболистов, и им большего не надо. Когда я вижу этих людей, то я тоже начинаю улыбаться, но потом я понимаю, что мы сейчас проедем и поедем дальше по дороге жизни, а они останутся здесь, в горах, живя в полуразрешенной избушке и маша каждым проезжающим мимо них, и улыбка сходит с моего лица. Лично я не могу представить себя в такой ситуации. Для меня невозможно то, что люди могут жить в таких условиях. Но сами эти люди, как мне кажется, ни на что не жалуются. Они рады, что у них есть коровы и козы, которые могут давать им мясо и молоко, из чего они готовят себе еду. Они рады тому, что они живут здесь всей семьей от прапрадеда до праправнука. Они рады тому, что кто-то заезжает в такую глушь и может помахать им в ответ рукой из автобуса.

Всеволод Воронов

Проблема

Будучи в Армении или Грузии, невозможно не обратить внимания на то гостеприимство, с которым местные встречают иностранцев. Даже после известных событий (в отношении господина Саакашвили), грузинские пограничники держались с нами необыкновенно легко, отпускали шутки, делали комплементы, помогали. Их очень удивляло наше настроение. «Почему вы выглядите такими виноватыми?» – спрашивали нас грузины. Что ж, такому радушию можно только позавидовать.

В этом-то и проблема. Только позавидовать. При всем моем отношении к России как к Родине, я не думаю, что в моей стране к грузинам, например, будет такое же хорошее отношение, как отношение грузин к

нам. Я слабо себе представляю, как русский без подозрения смотрит на грузина или как тот же самый русский вежливо отвечает армянину на вопрос, а не (в лучшем случае) бурчит что-нибудь типа «я вас не понимаю» и ускоряет шаг.

Что такое Россия в сознании иностранцев? Водка, медведи, спутник, балет. Еще, наверно, Великая Русская лень. И, скорее всего, все. Что такое Краснодар по сравнению с Ереваном? Что такое дряхлеющая Тамань по сравнению с солнечным Дилижаном или Мцхети? Можем ли мы «похвастать» таким же гостеприимством, радушием, милосердием? Нет. Более того. Что в нашем современном русском характере есть хорошего? Почему народ, еще более агрессивный, чем мы, и тот сумел нас простить, а мы – нет?

Думая об этом, я ужаснулся. Мне стало страшно за Россию, за ее граждан, за себя, в конце концов. Я боялся стать таким же типичным, среднестатистическим русским, одновременно доверчивым и глупым, подозрительным и злопамятным. Я боялся за тех грузин, которые вот уже в скором будущем начнут посещать Россию. С чем они столкнутся? С ответным гостеприимством или величайшим неуважением и даже хамством?

Я не вижу решения этой проблемы, слишком глубоко сидит идея национализма в сознании русского человека. Единственное, что еще, пожалуй, может помочь, – это такие поездки, потому что в них раскрываются все лучшие черты наций посещаемых стран.

ГРУЗИЯ и АЗЕРБАЙДЖАН

Дамир Шаманев

В один из дней мы въехали в Грузию. Надо сказать, что границу мы прошли плохо, долго, да и встретили нас холодно, очень грубо с большим количеством полицейских, с дополнительными расспросами о нашем пребывании в Грузии, в общем подозрительно. Мы одни из немногих школьников из России, посетивших Грузию после событий 2008 года, конфликта в Осетии.

На улице шел дождь, было множество луж, флаг Грузии, весь промокший, развевался на сильном ветре, я хотел его сфотографировать, но меня с криком остановил полицейский, потребовав убрать фотоаппарат и быстрее уйти.

Приехав в отель во втором часу ночи, мы, все уставшие, отправились в номера.

Вместе с нами ехал президент фирмы организовавшей все наше путешествие по Грузии. Это был мужчина с «лицом кавказской национальности», он был смугл. Его легко было заметить по властному взгляду, почти постоянной улыбке, но улыбка это была вовсе не радостная. Он всегда держал осанку. Если он останавливался, то всегда, как говорится «пятки вместе носки врозь». К нам он относился хорошо.

То, что мы видели на границе, это отношение – это явная боязнь. Ни Россия, ни Грузия не знают - будет ли какой-либо теракт против этих стран, они боятся, боятся друг друга.

Грузия и Россия не имеют дипломатических отношений, они замолкли друг для друга, но почему? Ведь россияне хорошо относятся к грузинам, а те хорошо относятся к россиянам. Народы живут в согласии, но не политики. Мне кажется, что одна из стран должна сделать шаг вперед, забыть о предыдущих конфликтах и начать все сначала.

Эти мысли не покидали меня в Грузии.

Максим Холматов

Мы поехали в Грузию. Так как визы мы оформляли прямо на границе, мы провели там больше часа. Опять же было страшновато, и еще в соседнем зале, какие-то мужики что-то долго и громко объясняли по-грузински. И опять мои ожидания не оправдались. Все грузины относились к нам до удивления радушно и гостеприимно. Причем это были не только представители турфирмы, от которых этого и следовало ожидать, но и совершенно случайно встретившиеся люди. Например, в последнем ресторане в Грузии к нам подошел изрядно подвыпивший грузин. Если

честно, то от него мы могли ожидать всего, кроме того, что он сделал. Он наклонился, поцеловал ближайшего из нас в лоб и произнес за русских тост.

В Грузии я немного разочаровался. А точнее, находясь в Грузии, я немного разочаровался в России. Ведь большинство из тех, кого я знаю, относятся к грузинам, мягко говоря, с опаской. В общем, из Грузии я уехал с неопределенным набором чувств, но я был определенно рад, что побывал там.

После всего одного дня в Грузии мы отправились в Азербайджан. В Азербайджане нас встретили по-королевски: поселили в пятизвездочную гостиницу, ходили за нами с камерами и т.д. Но мне от этого всего было не по себе, и вообще мне эта часть путешествия показалась обзорной экскурсией по Азербайджану. С утра до вечера были экскурсии, на которых нам рассказывали очень много разных, хоть и интересных, но одних только фактов. Единственные моменты, когда можно было почувствовать дух страны, были, когда мы ели и с нами заговаривал какой-нибудь официант. Пожалуй, то, что мы первые школьники из России за 20 лет, сыграло с нами злую шутку.

Есть у кавказцев черта, которую, наверное, не изменит ни одно событие в мире. Это гостеприимство, но иногда они и с ним могут перестараться.

Андрей Кухарь

Вот мы и прибыли на границу с Грузией. Перед этим мы спрятали все свидетельства нашего пребывания в Абхазии. Фотки с телефона перекинули на карту, карту спрятали в носок. Сувениры отправили вместе с теми, кто возвращался в Россию. Отныне мы отдыхали не в Абхазии, а в Геленджике. Пограничники, впрочем, не слишком интересовались, где мы были. Надо сказать, что они очень удивились, встретившись с большой группой школьников на границе в полночь. Вряд ли они нас в чем-то подозревали. Когда был досмотр, они пропускали вещи через сканер. Когда я пустил вперед свой рюкзак, на дисплее компьютера, с которым был связан сканирующий агрегат, показалось что-то длинное, кинжалообразное. Меня спросили, что же у меня там такое лежит. Я лихорадочно начал вспоминать, что же у меня есть похожее на кинжал, но всё же не мог вспомнить. «Может это ноутбук?» – спросила проверяющая. Да, это в самом деле был ноутбук! Как же она догадалась? Видимо, её профессия требует недюжинной смекалки.

Но вот мы благополучно миновали границу и отправились в путь далекий. Нас позвали в отель, в котором сытно откормили, хотя есть поздно ночью не хотелось. А далее я забылся и уже не помню, что слу-

чалось после этого. Как бы то ни было, утром следующего дня мы отправились на экскурсию по Тбилиси. Самым интересным местом для меня стало посещение самого большого храма Грузии. Путь к нему был выложен белыми чистыми кафельными плитками, по бокам дорожки была аллея из маленьких кипарисов. Все вместе это выглядело очень аккуратно и красиво. Все это придавало храму больше величия. Он уже был построен, но ещё не покрыт фресками. Изнутри стены были белыми, где-то встречались мрамор и позолота. Конечно, это подчеркивало огромный размер сооружения, но без фресок храм был больше похож на роскошный дворец.

В остальном Грузия не оставила у меня каких-либо ярких, насыщенных впечатлений. Она плавно (не считая тряскучего ночного сна в автобусе) ушла из-под ног, уступая место Азербайджану. Но перед тем как перейти к рассказу об этой стране, я хочу сделать несколько комментариев, связанных с национальными особенностями кавказских народов.

Начнем с кухни. В большинстве случаев наш обед или ужин выглядел так: сначала на столе стояли салаты и напитки, такие как кола и т.п. В Грузии ещё добавлялась «Боржом». Потом обычно приносили мясные блюда. Из них мне больше всего запомнились гигантские пельмени из Грузии (не помню их точное название), далма (фарш из бараньего мяса, завернутый в виноградные листья) и, конечно же, шашлыки, которых нам подавали в немереном количестве. Затем шла ещё куча разных блюд, и всё это кончалось десертом из свежих фруктов и сладостей.

На застольях, на которых мы присутствовали, также часто встречался сыр. Были популярны блюда с рисом, например, рис, политый сладкой подливой и усыпанный орехами и сухофруктами. Ещё меня удивило то, что в салаты, соусы и вообще куда только можно они (повара) кладут какую-то странную, дурманящую траву, в корне меняющую вкус блюда. Мы так её и назвали – дурман-траву.

Во-вторых, я хочу сказать, что большинство жителей Кавказа знают русский язык. Кто-то лучше, кто-то хуже, но все в какой-либо степени понимают русский или даже говорят на нем. Однако между собой они говорят на родном языке, и, находясь рядом при их разговоре между собой, можно ощутить некоторую неполноценность – дескать они-то понимают, о чем мы говорим, а мы о том, что они говорят, – нет. В Абхазии, зависимой от России, русский язык встречается довольно часто, в Армении и Грузии частично растворяется среди местных диалектов, а в Азербайджане ещё широко распространен и даже нередко используется как разговорный у местных жителей. Впрочем, продолжим повествование.

В азербайджанский отель мы попали уже ранним утром, после ночного переезда из Тбилиси. Посему мы были весьма усталые. Однако, войдя в роскошно обставленные номера отеля, мы обомлели. Тут были удобные мягкие кровати, диванчик, телевизор с большим широкоформатным экраном, душ, джакузи и даже такая роскошь, как ванночка для мытья ног. Оправившись от шока и передохнув, мы пошли на завтрак.

В ресторане был достаточно разнообразный шведский стол. Никаких блюд национальной кухни тут не предоставлялось, что, впрочем, и не требовалось, ведь туристическая компания любезно водила нас по лучшим ресторанам города и откармливала до предела. Вообще компания почему-то относилась к нам с большим вниманием. Нас поселили в один из лучших отелей Баку, хотя по плану мы должны были жить в трехзвездочной гостинице, нас щедро водили по лучшим ресторанам, хотя можно было бы питаться гораздо проще, нас снимали для телевидения, тоже непонятно зачем. Может, такой пафосный приём был связан с тем, что мы были первой группой школьников, посетившей Азербайджан за целых 20 лет, может, они преследовали рекламные цели – хотели через нас сообщить, как хорошо развит туризм в Азербайджане.

Среди всех представителей компании особо выделялся Октай – наш гид. Выделялся он не только тем, что как гид контактировал с нами наиболее тесно, но и многим другим. Для начала он был пожилым человеком, уже с морщинами и сединой, но ещё очень активным и живым. Он имел критический взгляд на мир, на то, что произошло в прошлом, особенно это касается событий конца 80-х и начала 90-х годов – так называемого «геноцида азербайджанского народа» и войны в Нагорном Карабахе. Нередко он критиковал и действия современного правительства.

В отличие от остальных сопровождающих нас членов компании, носящих костюмы, близкие к парадным, Октай одевал простой свитер или куртку. Экскурсии он вел очень живо и энергично, но не забывал делать резкие замечания насчет политики. Любил рассказывать об экономических достижениях страны. Он имел в голове очень большой объем информации, хотя, по-моему, не был профессиональным гидом, а был больше связан с горной подготовкой и спортом. В целом, он был очень интересным человеком, тем, кого сейчас называют «старой гвардией».

Но Азербайджан не уставал посылать нам сюрпризы, и одним из самых ярких впечатлений нашей поездки стало посещение школы им. Зафиры Алиевой (жены бывшего президента, народной благодетельницы). Школе было всего два года, то есть она была новой, современной, а так как построена по указу президента – то и отлично оборудованной.

Октай упомянул, что рядом стояла другая школа, но ей не повезло и президент не обратил на неё внимания.

Когда мы вошли в холл школы, все её ученики (а их было около четырехсот), парадно одетые, выстроившись плотной колонной, принялись дружно хлопать, чем уже внесли смятение в наши ряды. В довершение к этому заиграл русский гимн (ещё больше нас смутивший), которому мы начали подпевать. После этого азербайджанские ученики хором спели свой гимн. Потом были торжественные речи директоров и финал торжественного приёма подвели строчки нашего многоуважаемого Александра Сергеевича – «друзья мои, прекрасен наш союз...».

После торжественного официального приёма произошла небольшая викторина по русской литературе, чай со сладостями и футбольный матч. Во время матча наша команда тщетно пыталась запнуть мячик повыше, запугивать противника, напрыгивая на него, вертеть ногами во все стороны, чтобы попасть по мячу. Всё же счет был не в нашу пользу, поэтому игра мне наскучила и я, как многие болельщики с нашей стороны, пустились в разговор с местными учениками. Те же начинали тему отношений армян и азербайджанцев. В этом поколении ещё зрела ненависть (грубо говоря) к армянам за войну в Нагорном Карабахе и геноцид азербайджанского населения. Более же известный геноцид армян они не признавали, считая его полным враньем и чушью. Зная, что мы были в Армении, они спрашивали нас, где лучше, что красивее – Ереван или Баку и даже где лучше кормят. Они явно рассчитывали на ответ в свою пользу, но мне не хотелось давать прямой ответ, и я пытался найти компромисс. Интересен и тот факт, что в старших классах ведутся занятия по военной подготовке. Видимо, с таким темпом развития и националистическими идеями, Азербайджан получит немало преданных солдат, чтобы отвоевать свои земли.

В конце концов все кавказские конфликты сводятся к земельным спорам. И ссоры между странами создают непреодолимые границы между народами, что только усугубляет ситуацию в зоне конфликта. Но нам повезло, что есть некий перекресток – мы можем попасть в Грузию через Армению, а через Грузию – в Азербайджан. Таким образом, мы смогли побывать во всех странах, узнать противоположные точки зрения по поводу одних происшествий. И это помогло нам сохранить объективность. Мне кажется, пока лучший выход из конфликтных ситуаций – побывать там, «на другой стороне», чтобы ознакомиться с другим мнением о происходящем.

Андрей Ким

Кавказское гостеприимство

Все кавказские народы – это традиционные общества. Традиции играют важную роль в жизни жителя Кавказа, во многом определяют его поведение. Традиций на Кавказе много. Они связаны с различными бытовыми ситуациями, с войной, с праздниками и т.д. Традиции помогают людям не забывать родную историю и делают Кавказ уникальным местом, не похожим на другие места мира.

Одна из главных, а возможно, и самая главная традиция на Кавказе – гостеприимство. Она есть абсолютно у всех кавказских республик.

Абхазия. Мы приехали в абхазское подворье. Нас встретил невысокий мужчина, лет 40, мощного телосложения. Одет он был в простые джинсы и кофту. Он поздоровался со всеми нами и сказал, чтобы мы походили по его участку, осмотрелись. На территории перед домами был небольшой двор, покрытый ярко-зеленой травой. По центру был довольно большой двухэтажный дом, а справа было небольшое одноэтажное здание. Изредка мимо нас проходили дети хозяина. Но самое интересное ожидало нас за домами. Там был огромный участок, где ходили индюки и курицы, где располагались виноградные лозы, где был большой огород, где висело на веревках детское белье. Справа хозяин дома готовил на мангале шашлык. Он попросил нас немного подождать и походить по участку. Через 20 минут он вышел к нам и рассказал немного о хозяйстве. Он сказал, что здесь представлено то, как живут обыкновенные семьи и что здесь ничего не выставочное, все показано абсолютно реально. И вправду. На соседних участках можно было наблюдать похожую картину, разве что шашлыков не делали. Вскоре он провел нас в одноэтажный дом, где нас ждал накрытый стол. Сам хозяин за стол не садился и вместе со своей семьей приносил кушанья гостям. Как только заканчивалось какое-либо блюдо или напиток, он тут же приносил еще. Через несколько минут подошли двое мужчин, один с барабаном, другой с аккордеоном и начали петь разные песни на абхазском языке. После еды нам предложили потанцевать и мы отправились за дома, где под музыку все тех же мужчин начали танцевать народные танцы. После этого, попрощавшись, мы уехали.

В Армении, Грузии и Азербайджане нас встречали с огромным гостеприимством. «Все для гостей дорогих». В Грузии и Азербайджане сами директора фирм сопровождали нас на протяжении всего нашего путеше-

ствия. Все было с максимальным комфортом. В Азербайджане директор нашей фирмы Руслан Гулиев лично присутствовал на всех наших мероприятиях, в т.ч. и приемах пищи, где почти каждый раз говорил тост о том, как он рад, что мы приехали.

Отношение к гостю на Кавказе особое. Недаром Кавказская пословица гласит: «Гость в доме – Бог в доме». На Кавказе гость – это человек, интересы которого хозяин дома ставит выше своих. Гостя на Кавказе всегда примут, несмотря на политическое отношение между странами. Неважно кто ты: русский, армянин, азербайджанец или грузин. Кавказ всегда славился своим гостеприимством.

Основная проблема заключается в том, что новое поколение постепенно начинает забывать традиции. Ведь общество постепенно развивается и традиции забываются. Люди, живущие в деревнях, их помнят, но все больше людей заселяется в города. Урбанизация отрицательно влияет на традиции, но это неизбежный процесс. Как мне рассказывал один грузин, по имени Гело, не очень сильные традиции постепенно забываются, и уже прошлое поколение их плохо помнит, а многие забыли их совсем. Современная молодежь живет «по-европейски».

Эта проблема существует внутри народов, и мы, к сожалению, не можем помочь ее решить, хотя, наверное, сами кавказцы должны решить проблему внутри своего народа. Я надеюсь, новые поколения не будут забывать традиции своего народа, ведь традиции Кавказа, в основном, создают лицо Кавказа и заставляют забыть о терактах и бешеных, бегущих по горам с автоматом боевиках.